

W¹⁰⁶₅₄

СИЛОВСКИЙ ✓

2010515585

ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА.

(Нѣсколько словъ, сказанныхъ инспекторомъ Васильеостровской женской гимназiи В. Сиповскимъ ученицамъ старшихъ классовъ послѣ панихиды по И. С. Тургеневу).

Только что мы слышали печальный возгласъ „Вѣчная память“, которымъ живущіе, молясь о покойникахъ своихъ, сопровождаютъ ихъ въ могилу, — возгласъ, который такъ тяжело ложится на сердце, который нерѣдко звучитъ скорбной ироніей по отношенію къ тѣмъ покойникамъ, память о которыхъ едва тлѣетъ въ сердцахъ только самыхъ близкихъ родныхъ и угасаетъ вмѣстѣ съ ними. Не такого покойника поминали мы теперь. Онъ завоевалъ себѣ „вѣчную память“. Какъ-то даже странно назвать покойникомъ того, кто живетъ въ своихъ чудныхъ произведеніяхъ, которыя волнуютъ и долго еще будутъ волновать чувства живущихъ...

Имя И. С. Тургенева, конечно, всѣмъ вамъ хорошо знакомо; всѣмъ вамъ приходилось встрѣчать его среди именъ образцовыхъ нашихъ писателей, сочиненіями которыхъ наполнены не только хрестоматіи, но и начальныя книги, предназначенныя для изученія родной рѣчи. Всѣ вы знаете, что Тургеневъ высоко-талантливый писатель. Но знаете-ли вы, въ чемъ его особенность? Знаете-ли, въ чемъ сила его? Постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить вамъ хоть только то, что и теперь, въ вашемъ возрастѣ и при вашемъ далеко еще неполномъ знакомствѣ съ произведеніями покойнаго писателя, можетъ быть вполне понято вами.

Богато одаренный отъ природы И. С. Тургеневъ имѣлъ счастье получить превосходное образованіе, — то образованіе, которое не только надѣляетъ умъ свѣдѣніями, развиваетъ его силы, но которое пробуждаетъ въ душѣ и страстную любовь къ истинѣ, и жажду къ знанію, и даетъ средства утолить ее. Европейскими языками И. С. владѣлъ въ совершенствѣ, и сокровища богатѣйшихъ европейскихъ литературъ были ему вполне доступны. Судьба благопріятствовала ему и съ другой стороны: онъ былъ богатъ; онъ не зналъ той тяжелой нужды, которая часто пригнетаетъ талантливыхъ людей, порою злобитъ ихъ, глушитъ ихъ дарованія;

ему не приходилось трудиться ради заработка,—трудиться порывисто, неровно, торопясь и томясь сознаниемъ, что работа далеко ниже того, чѣмъ должна бы и могла бы быть. И время, когда Тургеневу пришлось выступить на литературное поприще было въ высшей степени благопріятно для его таланта: только что не стало Пушкина, который поднялъ русскую поэзію и русскую рѣчь до небывалой еще художественной высоты; только что замолкъ Гоголь, глубоко копнувшій русскую жизнь, проливавшій надъ ней сквозь видимый міру смѣхъ невидимыя ему слезы; критическій анализъ чуткаго Бѣлинскаго еще указывалъ настоящіе пути начинающимъ писателямъ.

Словомъ обстоятельства для развитія таланта Тургенева были очень благопріятны. Всѣ природныя задатки, всѣ дарованія его могли развиваться правильно, стройно, гармонично. Говорю это для того, чтобы объяснить вамъ, почему Тургеневъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ знаменитыхъ нашихъ писателей, способенъ былъ подарить русскую литературу цѣлымъ рядомъ высокохудожественныхъ, вполне обработанныхъ, прелестныхъ по формѣ и богатыхъ по содержанію произведеній.

Тургеневъ подобно Пушкину страстно любилъ жизнь, искалъ въ ней всего того, что даетъ силу душѣ, вливаетъ въ нее свѣтъ и радость. Онъ самъ хотѣлъ наслаждаться жизнью въ благородномъ смыслѣ этого слова, какъ можетъ наслаждаться ею высокоодаренный чуткій артистъ, хотѣлъ, такъ сказать, полной грудью вдыхать ароматы жизни. Когда вы познакомитесь вполне съ его произведеніями, вы проверите мои слова, вы увидите, что повсюду онъ, изображая жизнь, ищетъ красоты, добра, истины, особенно любитъ останавливаться на свѣтлыхъ проявленіяхъ жизни. Всякія уродства, ложь, зло глубоко оскорбляютъ его. Они возбуждаютъ въ немъ не ѣдкую насмѣшку, не гнѣвъ сатирика, а глубокую грусть, отъ которой порою онъ словно ищетъ успокоенія въ картинахъ природы. Онъ по духу своему и чудному, прелестному языку прямой наслѣдникъ Пушкина въ нашей литературѣ,—не даромъ самъ онъ считалъ себя его ученикомъ.

И вотъ почти въ теченіи сорока лѣтъ изъ-подъ пера его выходило одно высокохудожественное произведеніе за другимъ, одно другого выше, одно другого краше; сорокъ лѣтъ чудная рѣчь его волновала русскія сердца, наполняя ихъ высокимъ наслажденіемъ, направляя ихъ къ добру...

Первыя произведенія, обратившія вниманіе и вызвавшія сильную симпатію къ Тургеневу, были его „Записки Охотника“—эти прелестныя, простыя, но высоко поэтическіе очерки, отъ которыхъ, кажется, такъ и вѣетъ и лѣсной свѣжей прохладой, и запахомъ полей. Но отъ этихъ рассказовъ не разъ болѣзненно сожмется сердце при видѣ картинъ изъ жизни крѣпостныхъ крестьянъ. За „Записками Охотника“, послѣдовалъ цѣлый рядъ романовъ и повѣстей, гдѣ Тургеневъ чутко прислушивался, какъ говорится, къ біенію общественнаго пульса, т. е. ко всему тому, что волновало лучшихъ

русскихъ людей; всѣ хорошія вѣянія онъ радостно привѣтствовалъ, глубоко скорбѣлъ при видѣ болѣзненныхъ явленій, тѣмъ и другимъ, благодаря таланту, давалъ опредѣленный осязательный образъ, озарялъ ихъ яснымъ свѣтомъ, благодаря своему уму.— „Рудинъ“, „Наканунъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Отцы и дѣти“— вотъ важнѣйшіе изъ этихъ романовъ, которые для будущаго историка послужатъ художественной лѣтописью, покажутъ, чѣмъ жило, чѣмъ волновалось русское общество 50-хъ и 60-хъ годовъ. У Тургенева до самаго послѣдняго времени, пока злой недугъ не приковалъ его къ постели, высокое поэтическое творчество било живымъ ключомъ. Еще въ прошломъ году появились его „Стихотворенія въ прозѣ“,—эти жемчужины, словно невзначай оброненныя изъ души поэта. Читая ихъ, не знаешь, чему больше удивляться, необычайно-ли прелестной формѣ, или глубинѣ мыслей и чувствъ, выраженныхъ во многихъ изъ нихъ...

Когда въ послѣдствіи съ умомъ уже зрѣлымъ, запасшись жизненнымъ опытомъ, будете перечитывать сочиненія Тургенева, тогда только вамъ будетъ вполне понятно высокое значеніе ихъ. Они, эти сочиненія, какъ и произведенія другихъ великихъ поэтовъ и художниковъ, имѣютъ важное значеніе въ жизни общества.

Безконечной вереницей проносятся предъ нами жизненные явленія. Масса впечатлѣній одно за другимъ ложится на наши души. Но много ли среди насъ такихъ людей, которые глубоко задумываются надъ ними, проникаютъ въ смыслъ ихъ? Только высокіе умы могутъ разобраться въ сумятицѣ жизненныхъ явленій, оцѣнить ихъ по достоинству. Только у высоко-одаренныхъ художественнымъ творчествомъ писателей туманные слѣды отъ мимолетныхъ впечатлѣній сгущаются въ опредѣленные, осязательные образы, воплощаются въ такія яркія формы, которыя доступны всякому сколько-нибудь разсуждающему человѣку. Жизнь, путающаяся въ безконечной массѣ мелкихъ повседневныхъ явленій, темна для насъ; но та же жизнь, прошедшая сквозь душу великаго художника-писателя, очищенная отъ мелочныхъ подробностей, выраженная въ яркихъ, выпуклыхъ образахъ, становится ясна и понятна для всякаго сколько-нибудь мыслящаго человѣка. Вотъ почему такъ высоко и цѣнятся крупный талантъ художника, этотъ въ полномъ смыслѣ слова даръ Божій, этотъ свѣточъ, освѣщающій жизненный путь для простыхъ смертныхъ. Рѣдкими, до крайности рѣдкими гостями на землѣ бываютъ великіе таланты,— вотъ, почему такъ высоко и цѣнятъ ихъ, такъ чествуютъ, такъ гордятся ими... Вы безъ труда теперь поймете, какое огромное значеніе въ нашей жизни имѣетъ великій писатель, если онъ, при громадномъ талантѣ, обладаетъ просвѣщеннымъ умомъ, а также чистымъ и любящимъ сердцемъ, когда онъ своимъ вдохновеннымъ словомъ направляетъ умы и сердца людей къ добру и правдѣ. Такой писатель не даетъ обществу заснуть, погрязнуть въ мелочныхъ повседневныхъ заботахъ; онъ раскрываетъ предъ нимъ смыслъ

современной жизни, указывает цѣли и идеалы. Словомъ, онъ становится для общества наставникомъ въ самомъ высокомъ и благородномъ значеніи этого слова. Такимъ великимъ наставникомъ былъ и Тургеневъ!

Надо ли это подтвердить примѣромъ, — довольно развернуть любое изъ его лучшихъ произведеній. Обратимся къ болѣе извѣстнымъ вамъ рассказамъ изъ „Записокъ охотника“.

Всѣ вы, конечно, знаете прелестный рассказъ „Бѣжинъ лугъ“. Помните, какъ авторъ, заблудившись, случайно попалъ въ общество крестьянскихъ ребятишекъ, стерегшихъ ночью табунъ. Мальчики рассказываютъ о домовыхъ, лѣшихъ, русалкахъ... Что же во всемъ этомъ рассказѣ особеннаго? Сотни, тысячи людей слыхали эти суетвѣрныя сказки: одни, болѣе разсудочные, называли ихъ пустымъ вздоромъ, другіе, болѣе чуткіе, находили въ нихъ поэзію — и только. Посмотрите-же, что сдѣлалъ съ ними художникъ — поэтъ... Чудная лѣтняя темная ночь. Подъ обаяніемъ непроглядной тьмы мальчуганы расположены къ страху, они и говорятъ о страшномъ, о тѣхъ невѣдомыхъ имъ силахъ природы, которыя народная фантазія облекла въ страшныя формы лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Сколько поэзіи въ этихъ рассказахъ, вложенныхъ въ уста дѣтей, которыя среди непроглядной тьмы жмутся къ костру!.. Вотъ первая мысль, которая является при чтеніи этого рассказа. Но вотъ вы узнаете изъ рассказовъ мальчиковъ, что Гаврила-плотникъ постоянно невеселый ходитъ, потому что ему, когда онъ перекрестился при встрѣчѣ съ русалкой, она сказала: „Плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней“. Узнаете объ Ульянѣ, которая исчахла вся, такъ что едва душа въ тѣлѣ держится оттого, что ей почудилось, будто она самое себя встрѣтила. Узнаете о Ѳеклистѣ, у которой водяной сына утопилъ, и она по временамъ останавливается на берегу и кличетъ своего сына: „Вернись, мой свѣтикъ! Охъ, вернись, соколикъ!“ — Узнаете объ Акулинѣ дурочкѣ, которая съ тѣхъ поръ рехнулась, какъ ей почудилось, что она побывала въ рукахъ водянаго, и вотъ она, „покрытая лохмотьями, страшно худая, съ чернымъ какъ уголь лицомъ, помутившимся взоромъ и вѣчно оскаленными зубами, топчется по цѣлымъ часамъ на одномъ мѣстѣ“... Узнаете все это, и страшно вамъ станетъ, — страшно, конечно, не предъ лѣшими, водяными, русалками и прочими созданіями народныхъ суетвѣрій и поэзіи, а страшно предъ тѣмъ, какъ дорого обходится народу эта поэзія суетвѣрій. Вы пожалѣете этотъ народъ, у васъ невольно явится мысль о томъ, какъ важно, какъ необходимо позаботиться, чтобы просвѣтить его, разогнать ту страшную тьму, въ какой живетъ онъ, направить его поэтическія способности въ другую сторону, хотя бы на ту же природу. А сколько въ ней прелестей, сколько высокихъ вдохновеній можетъ найти просвѣщенный поэтъ, не населяя ее русалками и лѣшими, — это показываетъ самъ Тургеневъ. Его „Записки охотника“ почти на половину состоятъ изъ

преlestныхъ описаній природы... Повторяю, тысячи людей сталкивались съ народными суевѣрiями; но только у великаго художника сложился чудный разсказъ, гдѣ они явились во всей своей страшной поэзіи, только онъ заставилъ насъ глубоко почувствовать и задуматься надъ ними и придти къ тому заключенію, какое я указалъ. Развѣ это не высокій, не плодотворный урокъ?

Вспомните другой разсказъ „Малиновая вода“. Припомните странное существо—Степушку, этого затеряннаго человѣчка; у него, что называется, ни кола, ни двора, ни дѣла, ни хлѣба. Приютился гдѣ-то въ клѣти, за курятникомъ, у садовника. Его привыкли видѣть, иногда даже давали ему пинка, но никто съ нимъ не заговаривалъ, и онъ самъ, кажется, отъ роду рта не разинулъ. И вотъ этотъ-то затерянный человѣчекъ тоже способенъ еще думать о другихъ, жалѣть ихъ... Онъ, видите-ли, пожалѣлъ мужика Власа, который доведенъ до отчаянія непомѣрнымъ оброкомъ, наваленнымъ на него управляющимъ, — онъ, никогда рта не разѣвавшій, разинулъ его, чтобы подать совѣтъ: — „Да ты бы... ты бы... того!.. заговорилъ внезапно Степушка, смѣшался и замолчалъ. Плохой, положимъ, совѣтъ; но душа то, видно, у этого загнаннаго, забитаго Степушки не застыла, — теплилась въ ней искра Божія,—любовь къ ближнему.

Припомните еще Сучка изъ разсказа „Льговъ“, этого „господскаго рыболова“ при болотцѣ, въ которомъ никакой рыбы нѣтъ, этого рыболова, который былъ то кучеромъ, то поваромъ, то актеромъ, то сапожникомъ, смотря по прихоти своихъ господъ. И вотъ эта игрушка барскаго каприза, переходившая изъ рукъ въ руки, говорить о своей судьбѣ.

— „А я, батюшка, не жалуюсь!“ Не жалуется онъ потому, что бываетъ и хуже.

Припомните еще Лукерью изъ разсказа „Живыя мощи“, эту дѣвушку, семь годовъ лежащую неподвижно, изсохшую, обратившуюся въ мумію, но полную высокаго религіознаго чувства.

И вотъ это существо, эти „живыя мощи“, какъ прозвали ее въ деревнѣ, на вопросъ барина: не нужно ли ей чего? говорить: — „Ничего мнѣ не нужно; всѣмъ довольна, слава Богу.—Дай Богъ всѣмъ здоровья! А вотъ вамъ бы, баринъ, матушку вашу уговорить — крестьяне здѣшніе бѣдные — хоть бы малость оброку съ нихъ она сбавила! Земли у нихъ недостаточно, угодій нѣтъ... Они бы за васъ Богу помолились... А мнѣ ничего не нужно, — всѣмъ довольна“.

Припомните все это, — и вы поймете, какіе великіе уроки всѣмъ читающимъ даетъ высокоталантливый писатель. Онъ заставляеть глубоко заглянуть въ народную жизнь, онъ совершаетъ открытія, и какія открытія! Онъ въ этихъ затерянныхъ, забытыхъ существахъ, въ этихъ полуидіотахъ, которыхъ многіе умники изъ насъ, быть можетъ, едва ли удостоили бы снисходительнаго взгляда, открываетъ золотое сердце, исполненное такой любви, такого всепрощенія и всепримиренія, что невольно преклонишься, какъ

предъ святыней, предъ этимъ сердцемъ... Не даромъ этимъ людямъ снятся чудные сны,—чудится, что самъ Христосъ протягиваетъ имъ руку, что звонъ „сверху“ призываетъ ихъ. Вы помните, что Тургеневъ далеко не всегда указываетъ на хорошія стороны крестьянъ, указываетъ и дурныя, точно также, какъ и помѣщики являются у него и дурные, и хорошіе. Но когда вы внимательно прочтете большую часть „Записокъ охотника“, вы ясно почувствуете, какимъ зломъ было крѣпостное право. Оно было темнымъ фономъ картины, на которомъ только изрѣдка рисовались свѣтлые образы изъ крестьянской и помѣщичьей среды. Поэтому правдиво воспроизводилъ дѣйствительность, она сама ясно въ его произведеніяхъ говорила противъ возмутительнаго рабства, говорила уму и сердцу каждаго человѣка, способнаго размышлять и чувствовать. Припомните, что „Записки охотника“ явились въ 1852 году, стало быть, до освобожденія крестьянъ.

Говорятъ (въ газетѣ „Новое Время“), что Тургеневу покойный Государь заявилъ, „что съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Записки охотника“, его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости“.

Уже это одно ясно показываетъ, какую высокую цѣну имѣютъ эти простые, безхитростные, но высокохудожественные, стало быть и вполне правдивые рассказы. А они были только первыми ступенями въ художественномъ творествѣ Тургенева. Вспомните затѣмъ о цѣломъ рядѣ типовъ, вспомните, напр. Лизу изъ „Дворянскаго гнѣзда“, эту чудную, словно сотканную изъ свѣта и добра дѣвушку. Выше этого женскаго образа мы не найдемъ женскихъ типовъ въ нашей литературѣ... Я бы долго не кончилъ, если бы вздумалъ хотя вкратцѣ коснуться даже самыхъ важнѣйшихъ типовъ въ произведеніяхъ Тургенева. Думаю, что приведенныхъ примѣровъ довольно для того, чтобы подтвердить мысль, что великій писатель есть и великій наставникъ, раскрывающій для насъ смыслъ той очень мудреной книги, которую мы называемъ „жизнь“,—наставникъ, зажигающій наши сердца тою любовью ко всему, что стоитъ любить, какою пламенѣетъ его собственная душа. Высокимъ, благороднымъ патриотомъ является и Тургеневъ. Прислушайтесь на примѣръ, хоть къ тому, что онъ говоритъ о русскомъ языкѣ:

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!.. Нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“.

Нельзя думать, прибавимъ мы отъ себя, чтобы не великъ былъ тотъ народъ, изъ котораго выходятъ такіе великіе художники слова, какъ Тургеневъ...

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 5-го ноября 1883 года.

9

2010515585